

этого не спасает ни обилие смайликов, ни уменьшительно-ласкательные суффиксы, ни “фотки котэ”, ибо они общеприняты, придуманы не для конкретного человека. Но, может, так и надо? Может, именно такой мир нам необходим?

Тем не менее все эти наблюдения касаются в большей степени речевых проявлений. Кроме того, временной отрезок не так велик, чтобы можно было сделать вывод о тех или иных изменениях в системе русского языка. Оценивая состояние таких подсистем языка, как морфологическая, синтаксическая, фонетическая, следует говорить скорее о тенденциях, нежели о конкретных, четко обозначенных изменениях. Из приведенных примеров видно, что языковая система не остается неизменной, неподвижной, однако разные уровни языка в разной степени восприимчивы к изменениям. Наиболее активные сдвиги происходят в лексическом составе, стилевой дифференциации языка. В меньшей степени изменения подвержены морфологическая, синтаксическая системы. Еще более консервативна фонетическая система языка – за исключением интонации.

В 1980-е широко бытовала насмешливая поговорка “Сила есть – ума не надо”. Сейчас редко можно услышать ее, может, потому что сила сейчас в большей чести, чем ум? Не “креатив”, не “позитив”, не яркий “бренд” или престижный “тренд”, а ум – в самом простом, первоначальном его понимании. Гибель нашей Спарты – впереди, и ужас в том, что вызов среды будет все больше и они будут все усложняться, а наше мышление, как и язык, упрощаться и дегенерироваться. Но хочется надеяться, что наступит время, когда хамство и грубость исчезнут из нашего словаря, когда молодые люди не будут изощряться друг перед другом в виртуозности использования сленга и ненормативной лексики. Родной язык является непременной составляющей национального самосознания личности. Культура речи воплощает в себе национально-культурные и исторические традиции народа, которые мы должны беречь, а не разрушать.

Литература

1. Филин, Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия / Ф. П. Филин. – Л., 1970.

Светлана Макеева, Елена Мартынова

ПЕДАГОГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 – НАЧАЛА 20 в. О ЗНАЧЕНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА

На переломных этапах истории любой страны особую актуальность приобретают проблемы образования, являющегося важным фактором формирования будущего ее народа. Так, активизировавшиеся в 19 в. социально-экономические и политические процессы, связанные с проводимыми реформами, развитием буржуазных отношений и формированием индустриального общества в России, породили широкое общественно-педагогическое движение, характеризовавшееся возникновением интереса к во-

просам воспитания и народного образования у разных слоев населения. Подъем учебно-воспитательного дела связывался прежде всего с выработкой новых “педагогических идеалов”: “... мы должны обращать внимание не столько на пересмотр и улучшение наших учебных систем и учебников, сколько на дух и направление нашего воспитания...” [3, с. 19]. Общественным деятелям и педагогам предстояло решить вопрос: какой должна быть русская народная школа – это был своего рода социальный заказ общества.

Наиболее прогрессивные педагогические идеи того времени принадлежат таким известным педагогам, как К. Д. Ушинский, Н. Ф. Бунаков, В. П. Вахтеров, В. И. Водовозов, Н. А. Корф, В. Я. Стоюнин и др., определившим целую эпоху в российском образовании. Так, Н. Ф. Бунаков, ближайший последователь К. Д. Ушинского, приходил к заключению, что народная школа должна иметь “не профессиональный, а общеобразовательный, очеловечивающий характер”, обязана “пригласить” из каждого ученика не специалиста какой-либо отрасли труда, а человека, гражданина, способного жить “трудоу, истинно-человеческой жизнью” [2]. Педагог считал, что народная школа должна всеми силами содействовать всестороннему, гармоническому развитию человека согласно его природе, как организма растущего, живущего, чувствующего, мыслящего, желающего и способного к бесконечному самоусовершенствованию и самообразованию. При этом ведущим в системе школьного обучения педагог считал духовное развитие учащихся. По мнению Н. Ф. Бунакова, задача народной школы состоит в том, чтобы “дать ученикам такое умственное и нравственное развитие и такой круг общеобразовательных знаний, которые бы обеспечили сознательное отношение к окружающей действительности; хорошие, соответствующие человеческому достоинству потребности и привычки, стремления; сознание того, что человек есть гражданин известной страны, стремящийся к пользе своего отечества, любящий свой народ и свою страну; любовь и потребность к труду-учению, способность и некоторое умение самим учиться из книг, из природы, из жизни” [2].

В общественно-педагогических кругах классическая российская система образования подвергалась резкой критике. Так, например, попечитель Петербургского учебного округа А. А. Мусин-Пушкин критиковал современную ему классическую школу за то, что она не народна, “не национальна”, не проникнута родными национальными идеями: “Наше русское юношество не воспитывается в русских национальных идеалах... в уважении родной истории, родной старины, в любви к историческому прошлому, в страданному родным народом и составляющему потому его драгоценную культурную собственность” [4, с. 476].

Именно в это время ориентиром в противоречивом и нелегком процессе становления русского национального самосознания был признан родной язык. Придавая большое значение национально-культурным

функциям языка, К. Д. Ушинский рассматривал процесс обучения родному языку как важнейший механизм трансляции и воспроизводства культурных ценностей, идеалов и смыслов жизни, а потому убеждал своих современников в том, что основой воспитания и обучения должен стать родной язык, содержащий в себе безграничные потенциальные возможности духовного, культурного, интеллектуального развития и совершенствования народа [5]. Вслед за К. Д. Ушинским Н. Ф. Бунаков отстаивал мысль о том, что *“родной язык с его словесностью – сокровищница, в которой ярко и полно сказывается народная душа, со всем ее содержанием, что в языке одухотворяется весь народ и вся его родина, вся история духовной жизни народа; поколения народа уходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам, потому-то самое надежное средство для постижения и усвоения народного духа и характера, народного мирозерцания и народных идеалов – усвоение его языка”* [1].

Педагогами исследуемого периода была обоснована и предложена программа школьного образования. Центральное место в ней занимало изучение родного языка, который в этом случае стал выступать не только предметом изучения, но и средством обучения, способствующим интеллектуальному развитию ученика и обеспечивающим усвоение других учебных предметов. Например, Н. Ф. Бунаков отмечал, что в процессе изучения родного языка развивается и умственные силы учащихся. *“В самом деле, – писал педагог, – ребенок, легко и незаметно овладевая родным языком, вместе с тем так же легко и незаметно учится наблюдать и мыслить, сравнивать, обобщать, делать выводы, чувствовать и отдавать отчет о своих чувствованиях и желаниях, – язык, следовательно, развивает его умственную силу и воспитывает его чувство, притом научая и приучая его мыслить и чувствовать в духе народа, создавшего этот язык”* [2]. Бунаков справедливо отмечал, что мысль неразрывно связана со словом, являющимся выражением этой мысли. Слова, обозначающие понятия, завершают, по его мнению, работу сознания: в них прочно закрепляются приобретенные знания. *“Ребенок может мыслить только вслух, – утверждал Н. Ф. Бунаков, – поэтому он должен овладеть словом, чтобы быть в состоянии мыслить”* [1].

Прогрессивные русские педагоги второй половины 19 – начала 20 веков приходили к выводу, что обучение родному языку совмещает в себе воспитание и обучение мышлению, с развитием дара слова соединяет развитие и укрепление мысли и стоит на первом месте в выполнении коренной задачи школьного дела. Поэтому и частные задачи обучения родному языку тесным образом связывались с задачами школьного обучения в целом: 1) благотворно действовать на нравственное развитие учеников; 2) обогатить речь учащихся новыми словами и оборотами, развить мыс-

лительную способность, понимание читаемого; 3) в связи с чтением дать детям реальное знание о природе, отечестве и научить извлекать эти знания из книг; 4) сформировать сознательное отношение к языку, научить и напрактиковать учеников свободно и самостоятельно пользоваться языком для письменного и устного изложения своих знаний, наблюдений, мыслей, чувств; 5) научить читать с пользой и удовольствием поэтические сочинения художественного характера, воспринимать впечатления художественных образов, чувствовать и понимать их смысл и красоту [1].

Итак, к началу 20 века, во многом благодаря интенсивному изучению отечественными педагогами 19 века вопроса о педагогическом потенциале родного языка как центрального предмета в школьном курсе, в русском обществе происходит осознание потребности обращения к национальным корням образования и построения системы, основанной на традициях и ценностях русской культуры и языка. Именно те поколения русских людей, которые были воспитаны на принципах лингводидактики К. Д. Ушинского, его сторонников и последователей, и обеспечили России ведущее место почти во всех областях науки и духовной культуры конца 19 – начала 20 в.

Литература

1. Бунаков, Н. Ф. Родной язык как предмет обучения в начальной школе / Н. Ф. Бунаков. – СПб., 1908.
2. Бунаков, Н. Ф. Школьное дело / Н. Ф. Бунаков. – СПб., 1906.
3. Корнилов, И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем / И. П. Корнилов. – СПб., 1902.
4. Мусин-Пушкин, А. А. О космополитизме нашей школы / А. А. Мусин-Пушкин // Антология педагогической мысли России второй половины XIX в. / сост. П. А. Лебедев. – М., 1990.
5. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / К. Д. Ушинский. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 5: О первоначальном преподавании родного языка.

Яніна Місцюкевіч

ЭКСПРЕСИВНАСЦЬ ЯК МОЎНАЯ КАТЭГОРЫЯ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ БЕЛАРУСКІХ МОВАЗНАЎЦАЎ

Апошнім часам у мовазнаўстве, у тым ліку і беларускім, назіраецца ўстойлівая тэндэнцыя да аналізу моўных катэгорый і з'яў у кантэксце, канкрэтных рэалізацыях, пэўнай камунікатыўнай сітуацыі. Гэта значыць, што на першае месца выходзяць экстралінгвістычныя фактары, сярод якіх пачуцці, думкі, уяўленні пра свет, устаноўкі і мэты таго, хто піша ці гаворыць. Экспрэсіўнасць як моўная з'ява разглядаецца як кампанент функцыянальнай сістэмы мовы, уваходзіць у катэгорыяльны апарат камунікатыўнай і эматыўнай лінгвістыкі, яна цесна звязана з катэгорыямі эмацыўнасці і ацэначнасці. Сродкі, з дапамогай якіх у пісьмовым маўленні выражаюцца эмоцыі, вылучаюцца на ўсіх узроўнях мовы (фанетычным, марфалагічным, лексічным, сінтаксічным).